

Надежда Цалоева-Гуриева



Преподаватель истории для школьников 5–7-х классов в школе №1, до сих пор преподает в школе и заведует Музеем памяти в новом здании школы

– «Школа без номера» – так нас теперь называют. Официально – ГБОУ СОШ Беслана. Уже не знают, как еще обозвать нас. Мамсуров (Таймураз Мамсуров, глава Республики Северная Осетия. – «Газета.Ru») категорически против старого названия – школа №1. А между тем в этом году нашей школе 125 лет. Это одна из самых первых школ в республике. У нас с историей привыкли так поступать. Новое здание школы начали строить сразу после теракта и построили за семь месяцев. Мы в нее зашли 25 августа 2005 года. Через два года ее должны были отремонтировать, но тогда не было средств, но потом и подавно не стало. Сейчас здание рушится уже. Первое, что мы сделали, когда пришли в новое здание, – уголок памяти с нашими погибшими учениками и преподавателями. Всего погибло 20 сотрудников школы.

В 2007 году мы открыли Зал памяти, где находятся портреты всех погибших, в том числе спецназовцев. 11-е классы в новой школе носят имена погибших спецназовцев, еще два – погибших из МЧС.

Спецназовцы подарили нам свои фотографии с тренировок. Мы их повесили в холле. И вдруг они начали пропадать. Искали по школе – нигде не нашли. Мы поняли: ребята их на память забирают.

Перестали искать и ругаться, и исчезновения прекратились. Теперь для наших детей спецназ – это что-то вроде мечты. В этом году из Ирочкиного класса (дочери Надежды, Иры Гуриевой, выпускницы 2014 года) трое ребят поступили в военное училище. У нас всегда в Осетии это было почетно, а теперь и подавно.

Все страшно началось, конечно. И неожиданно... Хотя какие-то моменты были настораживающие. Сны тревожные у детей и у взрослых, мысли... Все мы стараемся найти какое-то объяснение тому, что произошло... Я, например, объясняла свое тяжелое состояние в тот день тем, что за два года до этого события 1 сентября у меня умер папа. Поэтому для меня 1 сентября большим праздником уже не было. Но что делать. Это был год, в который мой класс перешел в одиннадцатый, и хочу-не хочу, мне надо было быть на этом первом звонке. Борик с Верочкой, мои дети, должны были танцевать для первоклашек. Мои дети с подарками для первоклассников опаздывали, я нервничала и уже была похожа на тигра.

И вдруг за спиной у своих детей я вижу бородатого боевика. Я даже не сразу сообразила, в чем дело, и тут услышала сзади шум. Обернулась, а там вся масса людей со школьного двора бежит к спортзалу. В какой-то момент распахнулась дверь из котельной, смотрю – там дети стоят. Я жестом им показала закрыть ее, дверь захлопнулась, но она металлическая и хлопнула громко. Боевик услышал и побежал к двери, распахивает и орет «Выходите», а они не хотят. Он автомат передергивает, я говорю ему «Ты чего?! Я сейчас уведу детей». Говорю им: «Давайте, ребятки, выходите и пойдете ко всем остальным». И они стали выходить. Боевик хотел туда зайти, я ему говорю, там нет никого, вы же видите. И тут из-за котла выходит наш мальчик, сын нашего завуча, он в третий класс тогда перешел. Я его за руку взяла. Боевик выстрелил из автомата и пошел за нами. Там еще 17 человек внутри было. Слава богу, им удалось потом через окно выбраться. А нас погнало дальше.

У меня было ощущение, что если я поднимусь в школу и оставлю всех за спиной, они начнут убивать всех подряд, и я стояла внизу, ждала, когда все поднимутся.

Один из террористов это заметил. «Что ты стоишь? Залезай», – говорит. Я ему отвечаю: «Когда все поднимутся, тогда и залезу». Он мне: «Ты что, директор?», я ему: «Не директор». «Я тебя сейчас убью!» А я говорю ему: «Ну, кто тебе может помешать». И он стал мне постреливать под ноги, и мне ноги немножко посеколо, камешками, стеклом. Потом, когда все поднялись, мне помог подняться в здание папа наших учеников Руслан Бетрозов и наш учитель по труду. Я оказалась в коридоре.

К тому времени уже почти всех загнали в спортзал. Самый первый кабинет был мой, напротив – две библиотеки. На моей двери висел такой большой замок, что они мой кабинет не трогали, а в библиотеку что-то таскали в огромных мешках. Один из бандитов занес туда мешок и на обратном пути спросил меня, где у нас третий этаж. Я ему ответила, что школа двухэтажная и у нас нет третьего этажа. «Как нет?» – «Ну, если только вы за ночь построили». Он побежал дальше по коридору, а я зашла в спортзал. Вся масса людей сбилась в кучу на одной четверти зала. Это был ужас, конечно.

У меня не было ни малейшего понятия, где мои собственные дети. И мне, кажется, тогда еще не пришло понимание, что происходит.

Только к обеду первого дня я поняла, что это не сон, что все это с нами происходит. Помню, как ко мне подошли моя племянница Аня – она в пятый класс перешла – и Иришка. Ирка бантик держит, вся в слезах. Я говорю: «А Борик и Вера где?» «Не знаем». Я их за руки и повела по спортзалу, и мы сели в том месте, где сейчас огромная дырка в стене сквозная, под баскетбольным щитом.

Потом я услышала какой-то крик, и через некоторое время по залу потащили убитого мужчину – того самого Бетрозова, который мне помог. Он пытался людей успокоить по-осетински, ему сказали: «Что ты здесь, самый умный?» И все. Протащили через весь зал и положили недалеко от нас. Он так и лежал там в огромной луже крови. Это было начало.

Кнопки от бомб было две, возле одной из них сидели террористы по очереди. Больших бомб было три и еще куча маленьких повсюду. Какое-то время у кнопки сидел один из главарей их банды. Он стоял рядом с нами, и я слышала, как он вел переговоры. Во всяком случае, кого и что они требовали, говорилось в моем присутствии. Он сказал, что они будут разговаривать только в том случае, если придут главы трех наших республик – Ингушетии, Чечни, Осетии.

А также Владимир Рушайло, чтобы он сказал, что выводит войска из Чечни. Потом Рушайло почему-то превратился в Рошаля.

Но есть объяснение этому – я видела записку, в которой было написано что-то среднее между Рошалем и Рушайло. Записку писала медик, и она могла допустить такую ошибку. В конце концов, детский врач у нас войсками не командует... Хотя когда я услышала про Рушайло, я еще подумала: «Интересно, они что, не знают, что он уже два месяца не в Совбезе?» Выходит, они даже этого не знали. Именно из-за этой странности я это отчетливо запомнила. Затем, когда приехал Рошаль, тот же самый бандит, его называли Али, идет по проходу между заложниками и говорит: «Ну вот, доктора нам прислали. Зачем мне доктор? Я мужик здоровый». Эту фразу я тоже запомнила. Другое дело, что Рошаль в любом случае бы приехал и на все был готов. Мы потом с этим бандитом разговаривали, когда он сидел на кнопке, и я его спросила, может ли он представить себе, чтобы за двое суток можно было вывести армию – это же невозможно в принципе сделать. «Если захотят, сделают» – такая фраза была в ответ.

Они прекрасно понимали, кто они, для чего приехали, какое к ним отношение. Ребенок из начальной школы бежит за Али и говорит: «Дядя, можно мне выйти попить?» Тот к нему поворачивается и говорит: «Какой я тебе дядя? Я бандит и террорист, я пришел тебя убивать».

Хотелось крикнуть ему в лицо: ну перед кем ты пиаришься, это же дите! Или еще случай. Мама одного мальчика, второклассника, была в очень плохом состоянии, у него было пять рублей. Он эту монету достал, протягивает террористу и говорит: «Возьми, дядя, отпусти мою маму, ты же видишь, как ей плохо». А тот ему гордо: «А ты знаешь, сколько у меня дома таких есть?» Даже от таких мелочей было тошно. Или в третий день, когда воды давно не было и все были на грани, заходит один из боевиков, заносит пару баклажек с водой. Прошел по всему залу, остановился у выхода и бросил сначала одну в толпу, затем другую. И стоял, хихикал над тем, что происходило с заложниками. Звери, что тут скажешь. Взрослых не выпускали вообще никуда, ни пить, ни в туалет. Повезло только нескольким мамам, кому приказали детей водить в туалет группами. Нетрудно представить, что там творилось. Они выводили мужчин группами. Кто-то вернулся в зал, кто-то нет. Но самых крупных и сильных мужчин они убили. Не только потому, что боялись, а для того, чтобы показать всю серьезность своих намерений.

2 сентября у нас уже были мертвые дети. Не потому, что их застрелили. Одна девочка умерла от диабетической комы. Мальчик умер от обширного инфаркта у матери на руках.

Кто-то говорит, что нужно было с боевиками разговаривать, торговаться. Я считаю, что переговоры вести надо всегда. Но надеяться на то, что они дадут результат, в таких случаях не приходится, и нужно готовиться и штурмовать. Мне кажется, если бы штурм был раньше, а не по результатам взрывов, когда уже народ побежал, столько жертв не было бы. Надо было нашему спецназу дать делать то, что они умеют. И у заложников были бы силы бежать. Третьего числа у нас уже не было сил, была одна мысль: только бы это скорее кончилось, как угодно. Уже пошли такие моменты: женщина берет своих детей и идет на автомат. Я ее сажаю вниз, она на меня смотрит, а у нее взгляд человека, который не понимает, что делает.

Я практически уверена в том, что между боевиками были противоречия. В первый день мне разрешили вывести группу детей в туалет мимо шахидок. Я ребят запустила в две кабинки, там водичка была. Пока они тихонечко пили, я слышу, как одна другой говорит недовольно, что много малолеток. Потом они перешли на другой язык.

Потом был какой-то момент, когда сказали, что вроде всех детишек до шести лет отпустят. Я сказала Иришке: «Запомни, тебе шесть лет. Если вас будут выводить, встаешь и выходишь со всеми». Она же у меня крошечная была. Она даже потом в больнице сказала, что ей шесть лет, и ее найти не могли. Потом две эти шахидки взорвались в кабинете. И есть версия, что одна из этих

шахидок со своим мужем стали главарю выговаривать, что много маленьких, и он женщин для острастки взорвал сам. Вообще человеку, наверное, свойственно даже в самых жестоких людях найти какие-то человеческие качества. Все-таки женщины... Как женщины могли пойти на это?

3 сентября прогремели взрывы. Больших взрывов было два, но перед ними был маленький. Это был слабый хлопок над дверью спортзала, где сейчас написано «Выход». Либо замкнуло что-то в цепи, либо это произошло из-за того, что они все время стреляли вверх, чтобы заставить нас молчать. Перед взрывом уже ни их стук прикладами о пол, ни стрельба в воздух на людей не производили реакции. Гул стоял в зале. Люди уже изнемогали. Столько времени... Попробуй просто взять и посидеть на полу час. А 52 часа, когда над тобой мины, на тебя орут и на твоих глазах убивают людей...

Я услышала хлопок, увидела дым, не успела сказать детям «ложитесь», как у меня за спиной с правой стороны прогремело и нас всех положило. Когда я пришла в себя, уже никто никуда не бежал, только пыль садилась. Иришка моя спала, от первого взрыва она проснулась, и когда я в себя пришла, она мне говорит: «Мама, все бегут». Я ей сказала: «Есть куда бежать – беги». У меня с одной стороны была Вера, с другой стороны Борик, за спиной Анечка. С Верой я сразу поняла, что она уже неживая, а Борик начинал шевелиться, Аня стонала за спиной, поэтому я не могла идти.

Ира пошла к двери, которую выбило взрывом, и в это время за кучей мусора появился боевик, снял бороду и засунул в мусор. Она на него смотрела. Он на нее автомат наставил. Тут к ней подбежала какая-то женщина, я до сих пор не знаю, кто это был, обняла ее и закрыла ладошкой глаза.

Потом нас перегнали в столовую. Тех, кто не шел, расстреливали. И оттуда уже спецназовцы нас спасали. Они сбили с окна решетку, а физрук ее отодвинул, и мы стали выпрыгивать. Я Иришку отдала кому-то из спецназовцев, потом хотела поднять Аню, повернулась к ней, и в это время этот Ходов выскочил: «Не выпускайте заложников». Он с пулеметом был, но рука уже ранена у него была, стала ходить ходуном, и он не попал в меня. Я упала наружу. Но после меня пытались выпрыгнуть два мальчика – он их убил.

Потом я разговаривала с ребятами, пыталась понять, что же это были за взрывы, и Петр, мой брат, который был снаружи со спецназовцами напротив спортзала, сказал, что они видели этот маленький взрыв. Это не была провокация спецназа, о чем многие говорили. У боевиков что-то произошло. Даже палка раз в год стреляет, а тут...

Говорят, что они заранее привезли в школу оружие. Но тогда почему они, загоня всех в спортзал, спрашивали, где план школы? И где у нас подвал? Если кто-то собирается что-то сделать в школе, неужели нельзя было заранее выяснить, где в школе подвал? На самом деле оружие они привезли на машине с собой, и приехали в кузове этой машины не все 30, а человек 15. Одна девочка видела, как они подъехали к школе с другой стороны и начали выпрыгивать. И одна из учителей видела, как люди в масках с оружием бежали через железную дорогу.

Наш историк старенький тоже шел с той стороны на линейку, стал на них ругаться, что они бегают, детей пугают, они его подхватили и потащили с собой. Единственное, что в ночь накануне, скорее всего, в школу зашли снайперы и залезли на чердак. Когда мы утром подошли к зданию, наша завуч увидела дырку на крыше, а там никак не могла остаться дырка, ремонт уже прошел. Видно, они уже раздвинули шифер и приготовили себе точку.

Если говорить об ошибках, главная ошибка – это то, что все это допустили. Вторая ошибка – что им позволили до нас добраться. И третья – что у нас как всегда люди, которые в этих вопросах некомпетентны, начинают все решать. Когда-то захватили в Буденновске больницу. Папа у меня военный в прошлом, он тогда еще был жив. Мы сидели с ним, смотрели по телевизору, как басаевская банда уезжала довольная и счастливая, будто герои. И тогда папа сказал фразу: если сейчас их всех не положат, Россия умоется кровью, а возможно, и не только Россия. И я про себя подумала, не дай бог, он окажется прав. И сейчас мы должны хорошо помнить: как только мы начинаем забывать, мы сразу же получаем следующий теракт. Может быть, не с таким количеством погибших, но не менее кровавый. Вот почему нужно помнить. Верочка моя накануне 1 сентября на доске написала: «С последним вас первым звонком, 11В». Когда она так написала, у меня по спине мурашки пробежали. Я говорю, Вер, ну как же так, а она мне: «Мам, ну у них же последний первый звонок». Она это написала в шесть часов вечера 31 августа. Первого мы пришли, она переоделась, платье свое повесила, надела бальное, туфли поставила свои...